

Joanna Mianowska
Bydgoszcz

„Арион эмиграции” Владислав Ходасевич в воспоминаниях Нины Берберовой *Курсив мой*

Имя Нины Николаевны Берберовой заслуженно вошло во все литературные энциклопедии, в том числе в важнейшие издания, такие как: *Золотая книга эмиграции*, трехтомная *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940* А. Николюкина и, наконец, новейшее *Литературное зарубежье России*¹. Берберова известна, прежде всего, своими книгами *Курсив мой*, *Железная женщина* и, наконец, *Люди и ложи: русские масоны XX столетия*, связанными с историей литературы русского зарубежья. Сама писательница была гражданской женой Ходасевича с 1922 по 1932 год².

Ее книга *Курсив мой* вызвала разные толки, и это понятно, ибо в ней речь идет не только о жизни самой Берберовой, но и о людях, связанных с искусством, литературой, о политических деятелях, генералах, актерах и музыкантах. Писательница приобщила к книге биографический справочник составленный ею самой, который Е. Витковский называет „странным”, ибо в нем много ошибок и неточностей, субъективизмов³. Сама же Берберова в предисловии ко второму изданию своей книги (первое в 1969 году в Нью-Йорке) отметила, что второе издание – „исправленное и дополненное”, а ошибок писательница отмечает лишь около пятнадцати⁴. Гораздо больше погрешностей называет в своей рецензии на книгу Берберовой писатель-эмигрант Роман Гуль⁵. Обвинив писательницу

¹ См.: *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*, под общей ред. В. Шелохаева, Москва 1997, с. 75–77; *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940*, т. I: *Писатели русского зарубежья (1918–1940)*, гл. ред. и сост. А. Николюкин, Москва 1997, с. 64–66; *Литературное зарубежье России, энциклопедический словарь*, под общей ред. Е. Чельшева и А. Дегтярева, гл. ред. Ю. Мухачев, Москва 2006, с. 125–126.

² См.: Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Москва 1996.

³ См. Е. Витковский, *Почерк Петрарки*, [в:] Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 18–19.

⁴ См. Н. Берберова, *Предисловие ко второму изданию*, [в:] *ibidem*, с. 24.

⁵ См.: Р. Гуль: Рец.: *N. Berberova. The Italics Are Mine. Translated by Philippe Radley. Harcourt. Brace and World, INC. New York, 1969*, [в:] *Критики русского зарубежья в 2 частях*, ч. 2, сост., преамбулы, примеч. О. Коростелева, Н. Мельникова, Москва 2000, с. 214–224.

в сплетничестве, сведении счетов с неудобными лицами, приписав писательнице вымыслы, путаницу имен, дат и фактов, Гуль предостерегает: „Я отметил только те ошибки, что бросились мне в глаза. Это низменная (прошу прощения у читателей, но не нахожу другого слова) книга фактическими ошибками и извращениями фактов переполнена. И может подвести малосведущих иностранцев, если они примут на веру небылицы госпожи Берберовой”⁶. Так как целью настоящего исследования является личность В. Ходасевича, названного Д. Мережковским „Арионом эмиграции”, стоит обратиться сначала к некоторым критическим оценкам о поэте, и на их фоне представить воспоминания Берберовой о „литературном потомке Пушкина по тютчевской линии”⁷. Г. Иванов в статье, опубликованной в „Последних новостях” от 2 марта 1928 года отмечает безошибочное мастерство стихов, составивших книги Ходасевича *Путем зерна* и *Тяжелая лира*⁸. Признав формальные достоинства поэзии Ходасевича – сочетание ума, вкуса, чувства меры – Иванов хвалит и тут же развенчивает поэта: „Как холоден и ограничен, как скучен его внутренний мир. Какая нещедрая и непевучая душа совершеннейших этих ямбов”⁹. Другой эмигрант, поэт Юрий Терапиано, как и Иванов, в формальном отношении признавал Ходасевича „одним из самых значительных мастеров слова в новейшей поэзии”¹⁰. Стоит отметить, что все критики, дающие оценку Ходасевича-поэта, считали его одним из больших поэтов того времени, отмечая в его стихах „равновесие формы и содержания”¹¹. В. Вейдле, друг Ходасевича, знавший его ближе, наиболее метко, на наш взгляд, определил поэзию Ходасевича, в которой главное – это несовместимость души и мира, противоположность сияния человеческой души и обыденности¹². Возможно, сказанное заметил не только Вейдле. Д. Святополк-Мирский, князь по происхождению, литературный критик и публицист, назвал Ходасевича „любимым поэтом всех тех, кто не любит поэзии”¹³. Личность и творчество Ходасевича были неотделимы как для его друзей, так и недругов, ибо для поэта „литература была все или почти все”¹⁴.

⁶ Ibidem, с. 224.

⁷ См.: В. Набоков, *О Ходасевиче*, [в:] *Критика русского зарубежья...*, ч. 2, с. 258.

⁸ См.: Г. Иванов, *В защиту Ходасевича*, [в:] *ibidem*, с. 150.

⁹ Ibidem, с. 151.

¹⁰ Ю. Терапиано, *В.Ф. Ходасевич*, [в:] *Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары*. Составитель, автор предисловия и комментариев Вадим Крейд, Москва 1994, с. 179.

¹¹ Ibidem.

¹² В. Вейдле, *Ходасевич издали – вблизи*, [в:] *Дальние берега...*, с. 158–170.

¹³ См.: М. Вишняк, *В.Ф. Ходасевич*, [в:] *ibidem*, с. 151.

¹⁴ М. Алданов, *В.Ф. Ходасевич*, [в:] *ibidem*, с. 173.

В воспоминаниях Ходасевич представлен также мастером прозы, мемуарного жанра, автором исключительных книг *Державин* и *Некрополь*. М. Алданов отметил такие качества у Ходасевича-мемуариста, как ум, наблюдательность, остроумие, память¹⁵. Алданов, как и многие другие, оценивавшие Ходасевича, сожалел о том, что Ходасевич не использовал свой проявившийся в *Державине* дар (по словам В. Вейдле „лучшая биография на нашем языке”) для описания жизни Пушкина, хотя, как вспоминает писатель – „была сделана печатная попытка создать материальную основу для появления биографической книги Ходасевича о Пушкине”¹⁶. Г. Струве указывает на сочетание у Ходасевича пушкинской поэтики и непушкинское видение мира¹⁷. В этой связи он ссылается на слова упоминаемого В. Вейдле, видевшего связи поэтики Пушкина и Ходасевича¹⁸. Стоит еще отметить, что в критических отзывах эмигрантов о Ходасевиче отмечались и черты сложного характера поэта, его раздражительность, подозрительность, высокомерие, холодность, язвительность, капризность, упрямство и внутреннее одиночество. Одной из самых значительных мастеров слова (по Ю. Терапиано) был при всем сказанном „физически немощный”¹⁹. Эмигрантская критика пишет о ряде его болезней, начиная от фурункулеза, экземы на руках и кончая причиной его смерти – камней в желчном пузыре. Страстный курильщик и игрок так и не написал задуманной работы *Игроки в литературе и жизни*, и даже уничтожил написанное²⁰. М. Вишняк, В. Вейдле, Ю. Терапиано, М. Алданов и другие эмигранты дружно подчеркивают, что Ходасевич был исключительным собеседником, прекрасным рассказчиком, обладавшим широкой эрудицией. Возможно потому, как пишет Терапиано, „равновесие формы и содержания” у него выдержано как мало у кого из современных поэтов”²¹.

Не входя в подробности критических отзывов о Ходасевиче, стоит подытожить сказанное, чтобы на фоне высказываний о нем других поэтов, писателей, редакторов журналов, представить себе его глазами Н. Берберовой. Мнения критиков о Ходасевиче во многом были сходны – в оценках современников Ходасевич не только был большим поэтом, но и мастером

¹⁵ Ibidem, с. 173-175.

¹⁶ Ibidem, с. 174.

¹⁷ См. Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, изд. третье, Париж – Москва 1996, с. 106.

¹⁸ Ibidem, с. 105.

¹⁹ См. М. Вишняк, *В.Ф. Ходасевич*, [в:] *Дальние берега...*, с. 151.

²⁰ Ibidem, с. 154.

²¹ Ю. Терапиано, *В.Ф. Ходасевич*, [в:] *Дальние берега...*, с. 179.

русской прозы, следуя в ней пушкинской традиции даже больше, чем в поэзии²². Его друг В. Вейдле писал: „Как хорошо рассказывал Ходасевич о тех, кого больше не было на свете: без иллюзий, со строгим судом, тем же, каким, внутри себя, судил себя. Ум его был неподкупен, как и совесть. Он мучился, но в доме его был мир. В его комнате, всегда опрятной, светлой, простой его стол, чернильница, перо, черная клеенчатая тетрадь. Когда вспоминаю о нем, только этот свет, только то сияние и вижу”²³.

О самой Берберовой среди ее современников мнения были разными. В рецензиях на поэзию и прозу В. Ходасевича, помимо того, что творчество его оценивалось в связи с его личностью, о Берберовой (кроме одного скромного предложения у В. Вейдле) не упоминалось²⁴. И. Одоевцева, автор книг *На берегах Невы* и *На берегах Сены* о Берберовой сказала: „Какая же она злая”²⁵. Другие намеренно молчали.

Ходасевич в воспоминаниях своей гражданской жены показан от их знакомства в Петербурге в 1921 году до смерти поэта в Париже в 1939 году. Берберова пишет о Ходасевиче на фоне своей эпохи, исторических событий, связей с современниками, другими художниками слова. С самого начала знакомства Ходасевич, по Берберовой, „был совершенно другой породы, даже его русский язык был иным”²⁶. „Полуполяк”, но все же „человек нашего времени”, по ее словам. О времени и эпохе она пишет следующее: „[...] Сорок лет спустя » наше время« имеет другие обертоны, чем оно имело в годы моей молодости, тогда это было: крушение старой России, военный коммунизм, нэп как уступка революции – мещанству, в литературе – конец символизма, напор футуризма, через футуризм – напор политики в искусство. Фигура Ходасевича появилась передо мною на фоне всего этого, как бы целиком вписанная в холод и мрак грядущих дней”²⁷. В эти знаменательные дни 35-летний Ходасевич, имевший еще тогда и свою родину и любимый город и, главное, уже имя поэта, но и жену, посвящает 20-летней Берберовой слова: „Хорошо, что в этом мире есть еще причуды сердца”²⁸. Ходасевич, как пишет Берберова, поставил две задачи – „быть вместе и уцелеть”²⁹.

²² См. М. Алданов, *В.Ф. Ходасевич*, [в:] *ibidem*, с. 174.

²³ В. Вейдле, *Ходасевич издали – вблизи*, [в:] *ibidem*, с. 170.

²⁴ *Ibidem*, с. 161.

²⁵ См. Е. Витковский, *Почерк Петрарки...*, с. 21.

²⁶ Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 165.

²⁷ *Ibidem*.

²⁸ *Ibidem*, с. 174.

²⁹ *Ibidem*, с. 175.

На фоне грядущих событий, осуществление сказанного Ходасевичем было сложным, ибо, по справедливым словам Берберовой, „могли ли мы в то время предвидеть гибель Мандельштама, смерть Клюева, самоубийство Есенина и Маяковского, политику партии в литературе с целью уничтожения двух, если не трех поколений? Двадцать лет молчания Ахматовой? Разрушение Пастернака? Конец Горького?”³⁰. Но этот потерявший счет своим боязням человек, „худой” и „слабый физически”, по словам Берберовой, становится решительным и энергичным в ходатайстве о выезд из России. Был ли правильным тот выбор Ходасевича, который все свои лучшие стихи написал в России? Берберова так толкует решение Ходасевича: „Сделав свой выбор за себя и меня, он сделал так, что мы оказались вместе и уцелели, то есть уцелели от террора тридцатых годов, в котором почти наверное погибли бы оба. Мой выбор был он и мое решение было идти за ним. Можно сказать теперь, мы спасли друг друга”³¹. Сам Ходасевич уже в эмиграции, в статье *Литература в изгнании* дает яркие примеры ряда случаев, когда в эмиграции создавались лучшие произведения, ставшие основой для развития литературы (в качестве примера Ходасевич дает польскую прозу Мицкевича, Словацкого и Красинского, последний родился и провел детство в Париже, а Польшу покинул в ранней юности навсегда)³². Отсюда Ходасевич делает вывод и для себя: „национальная литература может существовать и вне отечественной территории”³³. Однако далее в своих рассуждениях Ходасевич пишет обо всех недостатках, бедствиях, нуждах и лишениях русских художников слова в эмиграции, связанных не только с бытом, но и с книжным рынком, спросом, читательским слоем. Взяв во внимание и свое нищенское положение, свой статус в эмиграции, Ходасевич констатирует: „[...] эмигрантская литература, какова бы она ни была, со всеми ее достоинствами и недостатками, со всей силой творить отдельные вещи и с бессилием образовать нечто целостное, в конечном счете, оказалась все же не по плечу, эмигрантской массе. Судьба русских писателей – гибнуть. Гибель подстерегает их и на той чужбине, где мечтали они укрыться от гибели”³⁴. Ходасевич имеет в виду творческую гибель, Берберова

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem, с. 179.

³² См. В. Ходасевич, *Литература в изгнании*, [в:] *Критика русского зарубежья...*, ч. 1, с. 341 и др.

³³ Ibidem, с. 342.

³⁴ Ibidem, с. 352.

– физическую. Ставший фактом приезд в Берлин 30 июня 1922 года был началом скитаний Ходасевича и Берберовой, живших в семье М. Горького в Саарове, Мариенбаде и даже в Сорренто, посетивших в то время Прагу, Италию, Лондон, Париж, Ирландию в поисках работы и заработка.

В книге Берберовой интерес представляют ее воспоминания о разных писателях и их отношениях с Ходасевичем. Важнейшие из них – это встречи с Андреем Белым, удостоенные Ходасевичем отдельным листком бумаги – с июля 1922 года по сентябрь 1923³⁵. Кстати, Берберова многие страницы своей книги посвящает Белому, любящему Ходасевича. Она пишет: „Белый любил меня, потому что я была женой Ходасевича”³⁶. Себе автор *Курсива* приписывает многое, как, к примеру, подсказанное ею Белому заглавие *Начала века*³⁷. Ходасевич оставил след общения с автором *Петербурга* в качестве стихотворения о ночных прогулках по Берлину, о котором Берберова пишет: „[...] мы все трое в нем – как три ведьмы в *Макбете*, – но с песьими головами”³⁸. Однако дружба Белого с Ходасевичем закончилась трещиной – Белый затаил свои намерения возвращения в СССР. Берберова на фоне возвращения Гершензона, Шкловского, А. Толстого задается вопросом: „Но тревога за Бориса Николаевича была совсем иного свойства: как, где и для кого сможет он лучше писать?”³⁹. Довольно обстоятельно Берберова вспоминает прощальный обед Белого. Назвав писателя „юродствующим гением”, Берберова возмущается тостом Белого „за самого себя” – „он требовал, чтобы пили за него потому, что он уезжает, чтобы быть распятым. [...] Он едет в Россию, чтобы дать себя распять за всю русскую литературу, за которую он прольет свою кровь”⁴⁰. Автор воспоминаний приводит ответ на тост Белого Ходасевича: „Только не за меня! Я не хочу, чтобы Вас, Борис Николаевич, распяли за меня. Я вам никак не могу дать такого поручения”⁴¹. Сказанное Ходасевичем вызвало у Белого горячку – Белый порывает отношения с поэтом и хотя, как пишет Берберова: „Все зашумели, превращая факт распятия в шутку, в метафору, в гиперболу, в образ застольного красноречия”, Белый продолжал обвинять Ходасевича в скептицизме, в разрушительных началах. В своих воспоми-

³⁵ Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 188, 189.

³⁶ Ibidem, с. 191.

³⁷ Ibidem, с. 192.

³⁸ Ibidem, с. 195.

³⁹ Ibidem, с. 197.

⁴⁰ Ibidem, с. 198.

⁴¹ Ibidem.

нениях о Белом, Берберова, несмотря на нападки писателя в адрес Ходасевича, считала его „великим” (кстати, о Ходасевиче никогда так не писала), и даже больше, „одним из великих” своего времени, и по ее словам „его стихи, и *Петербург*, и *Первое свидание* – бессмертны [...] встречи с ним [Белым – И.М.] были для меня и останутся вечной памятью”⁴². О значении Белого для Берберовой свидетельствуют и такие слова: „Белый уехал. Берлин опустел, русский Берлин, другого я не знала”⁴³.

Берберова описывает также отношения с Горьким. Кстати, воспользовавшись гостеприимством Горького с ноября 1922 года по апрель 1925, Берберова заявляет: „Как писателю Горькому не было места в моей жизни”⁴⁴. Но Горький к ней, по ее же словам, был „доброжелателен: для него человек, решивший посвятить себя литературе, науке, искусству, был свят”⁴⁵. По-видимому, такие же отношения сложились с Горьким и у Ходасевича. Интерес может вызвать описанный Берберовой разговор Горького с Ходасевичем о визите писателя и поэта в разное время 1920 года в детском доме. Отметив нервность по природе Ходасевича, что подчеркивалось всеми пишущими о поэте, Берберова указывает на его жалость, смешанную с отвращением при виде девочек в лохмотьях со вшами. Горький же, по воспоминаниям Берберовой, был так потрясен увиденным, что не мог рассказывать об этой сцене и возможно он в Европе залечивал раны „от ужасов дна”, а также спрашивал себя: „Стоило ли?”⁴⁶. Как и многие другие художники слова, Горький, по словам Берберовой, „Благоговел перед Ходасевичем – закрывая глаза на его литературную далекость, даже чуждость”⁴⁷. Горький ценил Ходасевича, как поэта и считал его своим другом. Ходасевич же, будучи человеком душевно добрым, но, по словам его друга В. Вейдле, не выносящим кумовства и покровительства, говорил правду в глаза, и Горький за это не обижался. Сказанное отметила и Н. Берберова. Сохранились письма, цитируемые Берберовой в ее книге, от А. Пешкова, в большинстве датированные 1925 годом⁴⁸. Берберова задумывается о судьбах архива Горького, складывавшегося в эмиграции в 20-ые годы. В нем, как пишет „Берберини” (так обращается к ней иногда

⁴² Ibidem, выделено Н.Б.

⁴³ Ibidem, с. 202.

⁴⁴ Ibidem, с. 206.

⁴⁵ Ibidem, с. 211.

⁴⁶ Ibidem, с. 228.

⁴⁷ Ibidem, с. 230.

⁴⁸ Ibidem, с. 233–236.

в письмах Горький) находится переписка с эмигрантами, в том числе и Ходасевичем, посвятившим Горькому много очерков⁴⁹.

Хочется отметить, что воспоминания о Ходасевиче Берберовой никак не сравниваются с написанным о нем Набоковым, Терапиано, Вишняком, Алдановым, Струве, Г. Ивановым. Но некоторые положения статьи Вейдле о Ходасевиче отражены и у Берберовой. Вейдле писал о Ходасевиче тепло, отмечая „сияние” его личности и поэзии⁵⁰. Берберова, на наш взгляд, пишет, прежде всего, о себе, а потом о людях, с которыми встречалась, дружила, общалась, и поэтому справедливы ее же слова: „Автобиография, в отличие от мемуаров, откровенно эгоцентрична”, и далее: „Я хочу писать, осмысляя то, что было (и самое себя), то есть, давая факты и размышления о них”⁵¹. Как бы оправдываясь перед читателями, писательница продолжает уже сказанное: „Познай самого себя – это всегда было фактом моей жизни”. Ходасевича, уже имевшего опыт (любовная драма с Е. Муратовой и с А. Чулковой-Гренцион, ставшей его женой в 1917 году), с 20-летней Берберовой связывала любовь, продолжавшаяся 10 лет.

Жизнь этой пары в эмиграции была полна лишений, даже нищеты. Берберова вспоминает, что они с Ходасевичем (иначе своего гражданского мужа она не называет) днями и вечерами „были на людях”. „Прага”, как и „Русский Берлин” или „Русский Париж” не встретили их с открытыми руками, Ходасевич, по ее словам, был для многих – „[...] неведомого и отчасти опасного происхождения червяком”⁵². Однако, когда Якобсон предложил Ходасевичу сделать перевод на русский язык поэмы чешского романтика, поэт сам в совершенстве обладающий лирической сюжетностью, произведением чеха не был очарован и от перевода отказывается⁵³. Еще Вейдле отмечал, что Ходасевич и жизнь, и литературу принимал всерьез. Сказанное подчеркнуто и у Берберовой, хотя она часто пишет о подавленности и одиночестве Ходасевича, характер которого был, прежде всего, сложным для него самого. Ходасевич неслучайно в эпохе Возрождения любил сюжет Благовещения, сам, ожидая благих вестей, лучшего в жизненных отношениях, в творчестве. Берберова в Венеции записывает: „Мы любим друг друга через [...] черту, разделяющую нас: по одну сторону был он [Ходасевич – И.М.] со своими утренними

⁴⁹ Об этом вспоминает также В. Толмачев в энциклопедии: *Русское Зарубежье...*, с. 670.

⁵⁰ См. В. Вейдле, *Ходасевич вблизи...*, с. 158–170.

⁵¹ Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 29.

⁵² *Ibidem*, с. 244.

⁵³ *Ibidem*, с. 249.

предчувствиями вечерних катастроф, по другую – я с ночными тревогами о дневных радостях”⁵⁴. Но даже любящая женщина не могла не заметить беспокойства, разлада и колебаний Ходасевича. Так пишет о них редактор „Современных записок” М. Вишняк: „Физическая немощь отягчалась постоянным нищенством, неотвязчивыми думами о насущном пропитании и крове, неотступным сознанием незаслуженности и несправедливости, выпавшей на его долю судьбы”⁵⁵. Написанное Вишняком сказано и у Берберовой, которая ссылается на рецензента⁵⁶. Она цитирует также отрывки из журнала „На литературном посту”, назвавшего Ходасевича „типичным буржуазным упадочником”, „нытиком мистицизма”, „индивидуалистом”, который „[...] организует психику читателя в сторону поповско-феодално-буржуазной реставрации”⁵⁷. Берберова, как Вишняк и другие, пишет о сложностях жизни в эмиграции и об их влиянии на психическое состояние Ходасевича. Сама она в поисках заработка занимается вышиванием, стеганием крестиков, а Ходасевич „днем [...] читает, пишет [...] иногда ездит в редакцию »Дней«. Возвращается униженный и раздавленный. Мы обедаем. Ни зелени, ни рыбы, ни сыра он не ест. Готовить я не умею. Вечерами мы выходим, возвращаемся поздно”⁵⁸. Ходасевич, писавший по ночам, по словам Берберовой, требовал специального присмотра: „Я не могу оставить Ходасевича больше, чем на час: он может выброситься в окно, может открыть газ”⁵⁹. Вишняк писал о разговоре с Ходасевичем в 1925 году, когда „взволнованный и мрачный” поэт „решил покончить с собой”⁶⁰.

Берберова пишет о Ходасевиче иначе, чем критики, писатели, поэты, редакторы журналов, и это понятно. Для нее Ходасевич – это, прежде всего близкий человек, которого она любила не только за его творчество. В этом отношении интересны слова самого автора *Курсива*: „Счастье мое с ним было не совсем того свойства, какое принято определять словами: радость, свет, блаженство, благополучие, удовольствие, покой. Оно состояло в другом: в том, что я сильнее ощущала жизнь рядом с ним, острее чувствовала себя живой, чем до встречи с ним, что я горела жизнью в ее контрастах [...] интенсивность заряда была иногда такова, что любое чудо

⁵⁴ Ibidem, с. 250.

⁵⁵ См. М. Вишняк, *В.Ф. Ходасевич...*, с. 151.

⁵⁶ Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 258.

⁵⁷ Ibidem, с. 260.

⁵⁸ Ibidem, с. 263.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ М. Вишняк, *op. cit.*, с. 151.

казалось возможным”⁶¹. Надо еще учесть и тот факт, что Берберова, хотя и любила Ходасевича, внутренне, по ее же словам „всю жизнь была одна”. Она пишет: „Не нашлось никого, на кого я смогла бы опереться, мне нужно было самой найти свою жизнь и ее значение”⁶². Ее непростой характер сказывался и в отношении к разным людям, в том числе и к Ходасевичу, о котором уже в Париже она писала: „[...] если Ходасевич умрет, то разумеется, умру и я”⁶³.

В книге Берберовой „Арион эмиграции” представлен достойно, однако на наш взгляд, Берберова Ходасевича-творца не совсем понимала. Будучи с ним целыми днями и ночами, она, конечно, видела зорче всех его недостатки, слабость, неуверенность в себе, болезни, ностальгию по ушедшей России. О поэзии Ходасевича, как и о его прозе, в книге Берберовой слова общего толка, в ней больше о его характере, привычках, совместной жизни, об отношениях Ходасевича с другими людьми – поэтами, писателями, редакторами газет и журналов. Кем был для Берберовой, названный „Арионом эмиграции”? Берберова пишет: „для меня он [Ходасевич – И.М.] не имеющий в себе ни капли русской крови есть олицетворение России, что я не знаю никого более связанного с русским Ренессансом первой четверти века, чем он – он может говорить о смерти Чехова и Толстого, как о событиях личной жизни, он знал Блока, он жал руку Скрябина, он сам есть часть этого Ренессанса, один из камней здания, от которого скоро не останется ничего”⁶⁴.

Берберова ушла осознанно от Ходасевича в апреле 1932 года, ибо, как она пишет, „что-то медленно [...] начало портиться, изнашиваться, сквозить, сначала во мне, потом, в течение двух лет, – вокруг меня, между ним и мною [...] всю жизнь вокруг оказалась не то”⁶⁵. Почувствовав без Ходасевича „полубезумный восторг” быть одной, Берберова ушла от него, сварив ему борщ на три дня и перештопав его носки. Писательница приводит в книге отрывки из двух писем Ходасевича после их размолвки. Вскоре Ходасевич находит свою вторую половину – женившись на Ольге Марголиной, еврейке, погибшей в концлагере Освенциме.

Интересно интервью Н. Берберовой, данное Феликсу Медведеву перед ее приездом в СССР в 1989 году. На вопрос Медведева, кто оказал на нее

⁶¹ Ibidem, с. 279.

⁶² Н. Берберова, *Предисловие ко второму изданию*, [в:] Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 25.

⁶³ Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 268.

⁶⁴ Ibidem, с. 267.

⁶⁵ Ibidem, с. 394.

наибольшее влияние из многих выдающихся людей, писательница ответила: „Книги, с которыми я встречалась: книги Джойса, Пруста, Кафки, книги Андре Жида, книги современников, моих или старших современников – писателей. Другого влияния я не чувствовала. Ну, Ходасевич, вероятно, потому что мне было двадцать, когда ему было тридцать шесть. Конечно, он оказал на меня влияние, но я бы особенно не придавала большого значения этому [подчеркнуто мною – И.М.]”⁶⁶. Написанное сказывается и в книге Берберовой, в которой много бесценного для понимания жизни в эмиграции, но еще больше субъективного. Прав, несомненно, автор предисловия к *Курсиву* Евгений Витковский, пишущий о абберации памяти, проявившейся особенно в *Справочнике* к книге и о внутренних противоречиях Берберовой, названных „двойным стандартом в отношении к людям”.

Ходасевич же в эмиграции показан Берберовой, прежде всего, как человек с его достоинством, но и с недостатками, внутренними противоречиями. Возможно, кощунственными покажутся слова, которые хочется написать после многократного прочтения и анализа книги Берберовой – в сути творчества (поэзии, как и прозы), названного „Арионом эмиграции” Берберова так и не разобралась. Его совершеннейшие ямбы не вызвали ее восхищения, а скорее всего безразличия, ибо автор *Курсива* была настроена прежде всего на познание себя. Сияние Ходасевича, замеченное В. Вейдле, Д. Мережковским, Г. Струве, и другими, хоть и зародило у Берберовой зерно любви к Ходасевичу, оставило, однако, ее равнодушной. Жаль, что „подлинность творческого горения” Ходасевича (слова Глеба Струве) была отмечена Берберовой лишь в сопоставлении с нею.

Streszczenie

„Arion emigracji” Władysław Chodasiewicz
we wspomnieniach Niny Bierbierowej „Kursywa moja”

W artykule bada się poezję i osobowość Władysława Chodasiewicza we wspomnieniach jego żony Niny Bierbierowej. Na tle profesjonalnych wypowiedzi krytyków i twórców słowa na emigracji (M. Wiszniak, W. Wejdle, G. Struve, M. Ałdanow, W. Nabokow, J. Terapiano i in.), poeta został przedstawiony przez Bierbierową przede wszystkim jako szlachetny człowiek, aczkolwiek z wieloma wadami i wewnętrznymi rozterkami. Autor artykułu broni tezy, że Bierbierowa nie rozumiała wielkości i doskonałości poezji Chodasiewicza, a także autentyczności twórczej muzy poety, gdyż nastawiona była wyłącznie na poznanie i zrozumienie siebie.

⁶⁶ Н. Берберова, *Курсив мой. Приложение*, с. 615.

Summary

*„Arion of the emigration” Wladyslaw Chodasiewicz
in the memories of Nina Bierbierowa’s „My Italics”*

The paper is based on memories of Wladyslaw Chodasiewicz’s wife – Nina Bierbierowa, which are good source for researching of the poetry and the personality of the poet. This source seems to be very different from the professional expressions and opinions of the critics and writers in the emigration (M. Wiszniak, W. Wejdle, G. Struve, M. Ałdanow, W. Nabokow, J. Terapiano and others) Chodasiewicz in the Bierbierowa’s memories is mainly a noble man although with many faults and doubts. In my opinion Bierbieriowa doesn’t understand fully Chodasiewicz’s poetry, his excellence and perfection, beeing concentrated mainly on understanding and knowing herself.